

Ваше
Благородие
**ЧЕРНАЯ
МАГИЯ**

ВИКТОР ГЛЕБОВЪ

ЖАЖДА

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г53

Глебов, Виктор.

Г53 Жажда / Виктор Глебов. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Ваше благородие Черная Магия. Мистические детективы).

ISBN 978-5-04-098026-0

Роман великолепно погружает в атмосферу XIX века, в мир мистики и жутких мифов, что делает его схожим с произведениями Николая Гоголя, а способность автора, профессионального историка, подмечать и описывать мелкие детали ставит книгу на одну полку с приключениями Шерлока Холмса.

Тем летом в Петербурге стояла неимоверная жара. Люди прятались от зноя в своих домах, но это мало помогало. Засуха уничтожила урожай, и город медленно погружался в хаос голода и эпидемий.

В это время пришла весть об убийствах в Кленовой роще. Местные пастухи нашли изуродованное тело женщины. Сразу вслед за этим всплыли еще два трупа, и еще один... Столичного сыщика Петра Дмитриевича Инсарова отправляют в Кленовую рощу для расследования загадочных убийств.

Осмотрев жертвы, сыщик обратил внимание, что убитые были обескровлены, словно кровь была аккуратно слита либо высосана через жуткие раны. Но иное заставило Инсарова похолодеть от ужаса: одна из убитых – молодая рыжеволосая женщина – была как две капли воды похожа на польскую княгиню Марину Вышинскую, изображенную на старинной картине в одной из местных харчевен. По легенде, Марина была отравлена собственной матерью почти двести лет назад...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Глебов В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098026-0

Утоление жажды — одно
из острейших наслаждений.

Айрис Мердок.
«Под сетью»

Глава 1,
в которой я отправляюсь в путешествие
с ответственным поручением

В год 189... от Рождества Христова в Петербурге и Москве стояла страшная жара. Дожди почти не шли, и засуха уничтожила едва ли не весь урожай. Крестьяне пребывали в отчаянии, они лишились своего единственного средства к существованию.

Однако еще большее несчастье постигло города. Голод и испарения, поднимаемые палящим зноем из сточных канав, вызвали многие болезни и даже эпидемии. В трущобах столицы свирепствовали холера и брюшной тиф. На улице каждый день можно было увидеть повозки, покрытые промасленной дерюгой. На них в морги свозили людей, умерших за ночь.

В церквях и соборах постоянно шли службы, во время которых священники и прихожане молили Бога избавить Россию от несчастья, постигшего ее. Всем почему-то казалось, что если поветрию подверглась столица, то та же участь рано или поздно неизбежно постигнет и прочую часть страны. Целыми днями звонили колокола. Их голоса слились в едином стоне, обращенном к небесам. Но Господь был глух к городу святого Петра и отвернулся. Если Он и взирал на него, то

с отвращением. Всевышний в любом случае оставался равнодушен к мольбам горожан, и им пришлось самим взяться за спасение своих жизней.

В целях профилактики из числа жителей столицы были организованы особые отряды, обязанностью которых стало истребление крыс. Выглянув в конце дня из окна, можно было увидеть телеги, доверху нагруженные этими мертвыми животными. Они направлялись в сторону городской свалки, где трупы грызунов сжигали в специально выкопанных ямах. Люди ехали рядом с крысами. Те и другие стали жертвами одной общей беды.

Особенно жарким выдался июль. Казалось, солнце вот-вот лопнет и прольется на землю огненным дождем, который превратит все живое в пепел. На улицах каждый день можно было слышать разговоры об этом. Хватало безумцев, твердивших, что наступает Конец Света. Скоро все мы станем свидетелями казней Господних и пришествия Антихриста.

Особую известность среди низов приобрела некая Фекла, утверждавшая, будто собственными глазами видела на колокольне собора Святого Пантелеймона Целителя сатану с черным лицом. Он якобы хохотал и размахивал руками.

К нам в полицию приходили донесения о том, что в районе Коломны объявился недавно некий Лука, предположительно из беспоповской секты бегунов-странников. Он смущал народ рассказами о всяких небылицах, но, кажется, особой опасности не представлял и смуты не сеял.

В столицу тянулись сотни голодных людей, в основном крестьян, лишившихся урожая. Они рассчитывали пережить лето в городе, но вместо работы находили болезни и крайнюю нищету, пополняли больницы и морги, и так забитые почти до отказа.

Потом жителями Петербурга овладела апатия. Почти никто не показывался на улицах. Люди, имеющие дома,

прятались от палящего зноя в них. Бродяги же укрывались под мостами. Благо в нашей столице их предостаточно. А реки обмелели, берега обнажились. Многие умирали в своих постелях и лежали так по нескольку дней, пока запах разложения не выдавал присутствия покойника. Тогда соседи звали квартальных, и те выламывали дверь.

Даже преступники словно потеряли интерес к своему ремеслу. Если бы они могли украсть еду, то делали бы это. Но воровать вещи не имело смысла — никто не желал платить за них.

Проститутки начисто лишились своего заработка. Мало у кого остались силы даже на то, чтобы бояться смерти, не говоря уже о плотских утехах.

Зато контрабандисты процветали. Разумеется, богачи, имевшие с ними связи, тоже не страдали от голода. Тем более что почти все они уехали из Петербурга, желали переждать трудные времена в своих имениях, удаленных от столицы, или за границей. Говорят, Париж давно не видел такого наплыва русских гостей, соривших деньгами.

Именно в это время в город и пришла весть о страшных убийствах в Кленовой роще. Когда-то, еще при Екатерине Великой, там была сооружена земляная крепость для защиты столицы от нападения с севера. Затем, лет двадцать назад, поселение было передано под начало графа Горошкова. При нем произошел значительный приток населения — благодаря тому, что через Кленовую рощу начали строить железную дорогу на Выборг.

Именно там, в этом живописном уголке, местными пастухами было найдено тело женщины, по слухам, сильно изуродованное. Почти сразу вслед за этим появились еще два трупа. Столичные газеты ухватились за эти события, как за спасительную соломинку. Ведь в самом Петербурге почти ничего не происходило, и репортажам зачастую приходилось просто выдумывать новости. Чтение оставалось единственным развлечением жителей

агонизирующего города. Оно позволяло им забыть, отвлечься от того страшного положения, в котором все мы находились.

Мгновенно появилась версия, что в деревне, расположенной недалеко от Петербурга, завелся душегуб, убивающий женщин. Газеты с кричащими заголовками в мгновение ока облетели страну. Они сеяли панику и вызвали повсеместный интерес к расследованию сих злодейств. Этому способствовало и то обстоятельство, что тиражи распродавались за бесценок. Издателям приходилось считаться с тем, что у населения почти не осталось денег.

Надо сказать, что у нас в полиции даже обрадовались этим убийствам — вещь небывалая! Обычно управление было завалено работой. Следователи не успевали разбираться с делами, валившимися на них. Но в тот период нам приходилось заниматься лишь редкими вспышками недовольства и агрессии, вызванными нервным истощением и отчаянием.

Да еще какие-то мошенники принялись печатать фальшивые деньги, наводнившие Петербург. От нас требовали, чтобы мы нашли эту шайку. Полицейские проверили все типографии, но не добились никаких результатов. Дело затягивалось, и никто не верил, что удастся обнаружить печатный станок, разве что на смутьянов кто-нибудь донесет. Никому не хотелось бродить по Петербургу и заглядывать в грязные, вонючие подвалы, полные нечистот, крыс и бродяг. Пока на улицах стояла жара, наши люди изо всех сил сопротивлялись необходимости предпринимать решительные шаги. Всем казалось, что отловить шайку еще успеется.

Так что убийства в Кленовой роще обещали внести хоть какое-то разнообразие в наши трудовые будни.

Мне казалось странным, что в условиях беды, постигшей страну, когда смерть стояла на пороге буквально каждого дома, люди, животы которых сводило от голода, а легкие исходили чахоточной кровью, так беспокоились

за свою жизнь. Им менее всего следовало бы бояться неизвестного убийцы, орудующего в нескольких десятках верст от Петербурга. Но многие жителей столицы начали запираить на ночь двери на дополнительные засовы, а женщины и вовсе перестали показываться на улицах.

Петербургом словно овладело безумие. Призрак неизвестного душегуба накрыл город невидимой, но от этого не менее ощутимой тенью. Абсурдность происходящего ярко свидетельствовала о том, что над столицей нависла вероятность массового психоза, когда даже незначительное происшествие порождает эффект «снежного кома». Так безотчетный страх голодной смерти превратился в паническое бегство от преступника, который, возможно, никогда не покидал пределов Кленовой рощи. Преступление, совершенно заурядное для Петербурга в любое другое время, стало сенсацией.

Разве это не говорит о нестойкости человеческого духа? Голод, эпидемии, нищета и всеобщее уныние становятся благоприятной почвой для фобий, обычно талящихся в подсознании. Современный мир развивается в промышленном направлении. Прогресс дает нам машины, которые помогают загнать подальше наши древние тайные страхи. Но стоит чуть дать слабину, и все скрытое выплескивается наружу, погружает человеческое естество в пучину первобытного хаоса и ужаса.

Кажется, я увлекся, цитируя по памяти положения одной из тех модных статей, великое множество которых печатается в наше время где угодно. Вдохновителем современных психиатров считается австриец Сигизмунд Фрейд. По крайней мере, так мне говорил наш патологоанатом Карл Иванович.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что в океане массового психоза все же оставались островки благоразумия. Одним из них было Петербургское полицейское управление, где к сообщениям об убийствах в Кленовой роще отнеслись профессионально. Да, нашего брата следователя, привыкшего ко всему, трудно вы-

вести из себя, так что всеобщая паника не коснулась уголовного отдела.

Итак, меня назначили вести расследование смертей в деревне. Многие коллеги мне завидовали. Они с удовольствием покинули бы Петербург и отправились в Кленовую рощу, где, по крайней мере, пыль не висит в воздухе, а от зданий, набережных и мостовых не исходит жар.

Я знал, почему выбор начальства пал на меня. Отнюдь не из-за того, что мне прежде не раз доводилось раскрывать сложные и громкие дела. Дни былой славы миновали. Я загубил свою репутацию, злоупотребляя горячительными напитками. Из управления меня не вышвырнули, памятуя былые заслуги, однако же не жалели. Проще говоря, решили, что если я не справлюсь, то всю вину можно будет легко свалить на меня. В случае неудачи я должен был стать козлом отпущения и с громким треском вылететь со службы.

Признаться, мне было все равно, какая участь постигнет меня. Со смертью Маши и Олежки из моей жизни ушло очень многое. Пусть я в конце концов и бросил пить, однако оправиться от потери семьи полностью не сумел.

Все же я понимал, почему амбициозные коллеги мне завидовали. Вместо того чтобы киснуть в душном управлении, я отправлялся расследовать дело, за несколько дней ставшее сенсацией. О нем писали не только петербургские газеты. Если бы мне удалось его распутать, то я наверняка получил бы «прощение» всех грехов. Возможно, даже повышение по службе. Мои товарищи мечтали сделать карьеру, прославиться, стать героями хроник. Иначе говоря — повторить мой давешний успех.

Я говорю о громком деле Коломенского душителя, разумеется. Полагаю, вы слышали о нем. Мои портреты в те времена красовались на первых полосах газет. Я был знаменитостью. Тогда мне казалось, что мир лежит у моих ног. Разве могло мне прийти в голову, что

всего одна ночь унесет жизни Марии и Олежки, а заодно разрушит мою?

Начальник управления распорядился было прислать трупы из Кленовой рощи в Петербург для медицинской экспертизы, но потом малость поразмыслил и понял, что при такой жаре до города они попросту не доедут. Так что тела поджидали меня в деревне, в тамошнем морге.

Я получил суточные и материалы по делу, которых было всего ничего, оставил свою кошку Могилу на попечение младшего следователя Сомова и выехал из Петербурга в середине июля, практически не обремененный багажом. Я взял с собой только несколько смен белья, бритвенный прибор и набор инструментов, которые могли мне понадобиться при сборе и обработке улики.

Стояла невероятная жара. Мне казалось, что засуха достигла своего пика. На домах трескалась краска и лопалась штукатурка, тротуары покрывал слой песчаной пыли. На балконах виднелись погибшие растения. Они свешивались через раскаленные железные перила подобно скелетам. В городе стоял отвратительный запах масляной краски, от которого кружилась голова. При вдохе легкие обжигал горячий воздух.

Люди прятались по домам, хоть как-то спасаясь от жары, улицы были пустынно. Когда экипаж, запряженный сонной кобылой, погоняемой таким же кучером, вез меня по ним, мне казалось, что я еду по городу, внезапно оставленному жителями. Будто злой волшебник разом уничтожил или похитил население целой европейской столицы.

Только голуби непонятно как умудрялись находить себе пропитание в этом царстве запустения. Они оживляли пейзаж, перелетая с крыши на крышу.

Меня сопровождал доктор Мериме — патологоанатом, которому предстояло провести вскрытие и тщательно исследовать тела. Он заменил в этом путешествии Карла Ивановича, уехавшего в Ростов Великий навещать престарелую тетку. Кажется, эта почтенная дама

находилась при смерти, и наш славный добрый криминалист рассчитывал на немалое наследство.

С Мериме я был хорошо знаком. Иногда мы вместе ужинали в холостяцком клубе на Бронной. Доктор работал в городской больнице, но был хорошо известен и в управлении. Он часто привлекался полицией для медицинской экспертизы, и его заключения нередко оказывались решающими в ходе расследования. Этот милейший человек был рад составить мне компанию, удрать из своей больницы и от пациентов, хотя это, конечно, и не делало ему чести как врачу.

На вид доктору Мериме можно было дать лет сорок, но на самом деле он был гораздо старше. Многие мои коллеги считали, что ему пошел шестой десяток.

Невысокого роста, довольно плотного телосложения. Одевался он скромно, но со вкусом и даже некоторым изяществом, носил цветастые пышные галстуки и имел забавную привычку периодически протирать тонким батистовым платком круглые очки в серебряной оправе.

Он приехал в Россию лет двадцать назад послушать лекции знаменитого хирурга Пирогова, решил не возвращаться во Францию и остался в Петербурге. Семей, правда, не обзавелся и жил принципиальным холостяком.

Я работал с ним не часто — обычно в расследованиях мне помогал Карл Иванович, но в тех двух-трех делах, когда криминалистом выступал Мериме, мы легко находили общий язык. Я не без оснований считал его человеком приятным и весьма знающим свое дело. По-русски он говорил прекрасно, почти без акцента.

Сейчас Мериме сидел в экипаже справа от меня и протирал платочком очки. Он периодически глядел сквозь стекла на солнце, дабы убедиться в их чистоте.

— Надеюсь, это путешествие пойдет на пользу нам обоим, — проговорил мой спутник. — В последнее время я видел одни трупы, и прогулки на природе мне несколько не повредят. Не поверите, но из-за этой жары я

возблагодарил судьбу за то, что стал патологоанатомом. Прохлада морга — единственное мое спасение. Что поделать, годы дают о себе знать. Помню, когда мы воевали в Китае, тоже стояла страшная жара. Нас повсюду подстерегали опасности, о которых цивилизованному человеку ничего не известно.

— Какие же? — спросил я, чтобы поддержать разговор.

— Ядовитые твари и насекомые, норвящие отложить личинки в раны на вашем теле. Но тогда можно было спрятаться в тени, а ночью насладиться прохладой, — проговорил доктор, вытер пот со лба и убрал платок в карман. — А здесь, в Петербурге, духота совершенно невыносима. Посудите сами, не могу же я появиться на улице в расстегнутой сорочке! — Мериме даже фыркнул. — А в Китае мы зачастую именно так и поступали. Да, в дикой природе цивилизованный человек быстро избавляется от многих условностей. Но они быстро берут свое, стоит снова оказаться в обстановке европейской благопристойности.

Я с удовольствием слушал болтовню доктора, в особенности потому, что на нее не требовалось отвечать. Мериме был не самым взыскательным собеседником и вовсе не рассчитывал на то, что ему будут поддакивать. Это выгодно отличало его от большинства честолюбцев, заводящих долгие разговоры в надежде вызвать восхищение своей несчастной жертвы.

Впрочем, на этот раз слова доктора меня заинтересовали.

— Вы воевали в Китае? — спросил я, не скрывая удивления.

— Да, в качестве полевого хирурга. Это была «опиумная война», как ее назвали позже, — пояснил Мериме, видя мое недоумение. — Насмотрелся же я тогда на покойников. И на тех, что действительно были мертвы, и на тех, что еще оставались живы.

— Как это? — не понял я.

— Две трети китайцев курили опиум, мой друг. Наверное, даже больше. Вы видели когда-нибудь человека, который и дня не может прожить без того, чтобы не отравиться этой дрянью? Нет? А я видел. Высохшие двадцатилетние старики, не понимающие, где находятся, зачем живут на свете. Когда проходит дурман, все их мысли лишь о том, как достать новую дозу. Мы, французы, это поощряли. Торговать опиумом и держать огромную страну в наркотическом опьянении было выгодно не только нам, но и всей Европе. — В голосе доктора я услышал нотки горького осуждения. — Так-то, друг мой! А ведь не так давно наркотики считались медикаментами. К счастью, ныне с этим мифом покончено.

Некоторое время мы ехали молча. Я размышлял над тем, что рассказал мой спутник, а доктор Мериме, наверное, предавался воспоминаниям.

Вдруг он сказал:

— Знаете, Петр Дмитриевич, я положительно рад, что на время оставляю Петербург.

— Вот как? Ну, это неудивительно. Уверен, за городом воздух свежее.

Доктор кивнул и заявил:

— Очень на это рассчитываю. Но дело не только в климате.

— В чем же еще? Хотите отдохнуть от покойников?

— Не от покойников, нет. От живых. Я, как вы знаете, не только для полицейского управления мертвых режу, но и в больнице работаю. В общем, я что-то стал чувствовать усталость от всех этих жалоб, большая часть которых попросту нелепа. Должно быть, возраст дает о себе знать.

— Собираетесь на покой?

Мериме пожал плечами.

— Возможно.

— Это жара так на вас действует. Вгоняет в тоску.

— Знаете, некоторые случаи вызывают просто недоумение, — проговорил доктор, похоже, пропустив

мою реплику мимо ушей. — Поневоле чувствуешь бессилие.

— Не будьте к себе так строги. Не всех же пациентов можно вылечить.

— Дело даже не в случаях смертельных болезней. С этим, наверное, можно смириться. Но порой происходит такое, что ставит тебя, как медика, в тупик.

— О чем вы, доктор?

— Был недавно случай... — Мериме потер щеку. — Ладно уж, расскажу. Привезли на той неделе больного. Мужчина лет тридцати, сын крупного фабриканта, всполошил слуг криками о помощи. Те вбежали к нему в квартиру — дело происходило перед рассветом — и увидели, что ночная рубашка у него на груди и животе в крови. Понятное дело, решили, что имело место ранение, спешно организовали доставку в больницу. Сам молодой человек толком объяснить, что с ним произошло, не мог. Он бился в истерике, кричал, что в него забрался огромный паук, и норовил разодрать ногтями грудь. Буйный, одним словом. В больнице его осмотрели и никаких ран не нашли. Откуда взялась кровь, не ясно. Все это мне рассказал коллега. Я в тот день был дома, но не поленился сходить и взглянуть на этого пациента. Его как раз готовили к переводу в клинику для душевнобольных. Он показался мне вполне нормальным, хотя и не совсем успокоившимся. По крайней мере, молодой человек согласился с тем, что паук привиделся ему во сне. Правда, вспомнить, откуда на рубашке появилась кровь, он так и не сумел.

— Что же тут удивительного? — не выдержал я. — Должно быть, ему действительно привиделся кошмар или белая горячка приключилась.

— Нет, он трезв был.

— Стало быть, первое. А кровь... да мало ли где он мог пораниться и не заметить.

— Я бы, конечно, не придал этому случаю особого значения, — проговорил Мериме, достал платок и опять вытер лицо. — Если бы он был первый.